

Тучкова Н.А., Коробейникова И.А.

Гостевой этикет селькупов по данным фольклора и этнографическим наблюдениям¹

Аннотация. Статья посвящена традиционным обычаям гостеприимства, характерным для селькупской культуры. Для анализа использовались как фольклорные произведения селькупов, из которых были выявлены основные правила поведения для хозяев и гостей, так и материалы этнографических наблюдений (в том числе – записи воспоминаний из детства одного из авторов статьи – И.А. Коробейниковой). Также проведён анализ терминов приветствия и прощания, принятых у селькупов в середине XX в. в парабельско-нарымском (чумылкупском) диалектно-локальном ареале и получен вывод об их заимствованном характере из культур соседних народов (хантов, татар, русских).

Ключевые слова. *Селькупы, этикет, гостеприимство, нормы поведения в гостях, термины приветствия и прощания, обращение к уважаемым людям.*

Гостевой этикет является важной частью культуры любого этноса, и селькупская культура в этом смысле не является исключением. На материале этого этноса уже предпринимались попытки описать основные правила поведения гостей и хозяев: существует ряд публикаций на тему селькупского этикета, среди которых, прежде всего, следует отметить работу О.А. Казакевич «Этические нормы традиционного селькупского общества сквозь призму фольклора» (2000). Кроме того, интересные сведения о селькупских обычаях гостевания приведены И.Н. Гемуревым в его монографии «Семья у селькупов» (1984)², касающейся традиционных семейных обычаев селькупов.

1 Выполнено в рамках работ по проекту «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности» (грант Правительства РФ П220 № 14.В25.31.0009)

2 Наиболее значительный объем сведений о селькупском гостеприимстве представлен в гл. «Семейные обычаи и воспитание детей» в кн. И.Н. Гемурева «Семья у селькупов» (1984).

В любой ситуации, связанной с гостями, присутствуют две стороны: хозяин (хозяйка) и гость (гости), соответственно, у каждой из сторон есть свой набор обязанностей и прав (привилегий), которые составляют друг с другом симметричные пары (обязанность хозяина оборачивается привилегией гостя, и – наоборот). В связи с этой очевидной взаимозависимостью норм поведения, построенных по принципу комплиментарности, следует рассматривать эти отношения как взаимодополняемые.

Итак, нормы поведения для хозяев:

Фольклорный и этнографический материал однозначно демонстрирует, что в традиционной селькупской культуре фактически не было деления гостей на «званных» и «не званных». Любой человек при необходимости или желании мог войти в дом другого человека. При этом существовал небольшой, но очень строго регламентированный набор правил, что должен делать хозяин (хозяйка) дома, если в его (её) жилище пришёл другой человек.

1) *Пусть в дом.* Суровый сибирский климат диктует жесткое требование: пускать в дом (или к очагу/костру) надо любого гостя. «Дом с собой никто не носит» (Гемуев, 1984: 164). В сказке парабельских чумылкупов к дому героини подошла медведица, и хозяйка кинула ей в лицо горсть золы, чтобы отпугнуть. Однако эта гостья оказалась впоследствии женой её брата. Негостеприимная женщина была наказана тем, что потеряла своего брата, и долго затем его искала. Моральным выводом из этого фольклорного произведения была фраза: «В тайге так говорят: «Кто придёт – всех накорми» (Сказки нарымских селькупов, 1996: 185).

Хозяева раньше не выходили из дома встречать гостей. Гости сами должны были зайти в дом.

2) *Накормить любого гостя.* Исследуя этические нормы селькупов (выражением которых являются нормы этикетные), лингвист О.А. Казакевич отмечала, что «основной... этической нормой традиционного селькупского общества является гостеприимство», и соблюдение этой нормы лежит, в первую очередь, на плечах женщины (Казакевич, 2000: 333). Женщине –

хозяйке дома (чума) полагается накормить любого гостя, «будь то даже сам чёрт». В ряде селькупских сказок нередко присутствует эпилог с категорично сформулированным выводом, декларирующим эту норму: «Потом та женщина так сказала: «Будь это хотя бы даже и кунама (бродяга – людоед), ты его всякий раз корми, даже собаку хорошо кормят». (Таз, 1996, текст 2) (Казакевич, 2000: 333).

Перед гостями следует выставлять на стол всё, что имеется в доме. «Идье пришёл в дом. Один мужик сказал, что пришёл молодой человек, может, есть [хочет], повелел: «Накормите его». Ведро из бересты само сходило за водой, семь котлов наполнились водой и сами повесились над огнём, тарелка сама подошла к нему. Идье смотрит в свою тарелку, а там лежит большой осётр, потом нож пришёл, начал чистить осетра, а это само сварилось. Потом лопата подошла, выбрала рыбу. Идье поел да наелся; думал, домой пойдёт» (из фольклорного текста, записанного К. Папай в 1888 г.).

Хорошо, когда вся еда и готовится, и выставляется перед гостем самостоятельно (но такое бывает только в сказочном мире), в реальном мире выставить еду гостю – обязанность хозяйки дома (чума). «Вот как поступает положительная героиня, когда в её чум приходит бродяга – людоед (кунама): «[Она] на улицу вышла, жареную рыбу занесла, хлеб достала, чай поставила. Еду всю поставила, варёную рыбу с мясом поставила, с супом» (Таз, 1996, текст 1) (Казакевич, 2000: 334).

Лучшие куски хозяйка должна отдать гостям, потом положить еду мужу, сама же она будет есть то, что останется: «Лучшие куски голым людям вытащила. Себе и мужу поплоше куски вытащила. Кушать начали. Мужу своему со дна получше куски, себе на дне одну кость оставила. Это лишь грызет» (Прокофьев, текст 1) (Казакевич, 2000: 334).

Е.Д. Прокофьева также подчёркивала строгость этого обычая – давать гостю лучшие куски еды, отмеченную в селькупском фольклоре: «Женщину, нарушившую это правило, кормившую гостя *чаңальэ* – ‘худшими кусками’ муж убивал (Прокофьева, 1952: 95). Или выгонял – как в сказке про Сына

Неба, который брал в жёны дочек старика, и одна из них оказалось жадной: «Люди с улицы в чум позаходили, на дальнее место поусаживались. Сколько сидят, посмеиваются, поговаривают: «Божий Сын такую жену привёз – человек головку супового ковшика не выпьет (ни глотка супа не получит)». Сами, поговаривая, из чума на улицу вышли. Её муж домой пришёл. На жену рассердился: «Ты людей почему не накормила?» (ОСЯ. Т.2. 1993: 44–45). Божий сын прогнал негостеприимную жену и взял в жёны её младшую сестру, знавшую, как надо встречать гостей. По другой версии этой сказки, записанной Г.Н. Прокофьевым, Сын Неба не просто выгнал первую жену, а подвесил её за косу на шесте, чтобы все знали, какое ждёт наказание негостеприимной хозяйке (Прокофьев, текст 1) (Казакевич, 2000: 333).

3) *Ни о чём не спрашивать гостя.* Хозяева, как правило, не должны ни о чём спрашивать пришедшего к ним человека. В фольклорных текстах гость входит в чум и садится молча, хозяева также молчат, хозяйка молча ставит перед гостем еду. «Пришедшего гостя не полагается ни о чём спрашивать. Если гость захочет что-либо сообщить, то скажет сам» (Казакевич, 2000: 338).

4) *Постелить постель и уложить спать гостя.* Гостю стелили отдельную шкуру. В фольклорном тексте подчёркивается, что стелить надо на чистом месте: «неправильная героиня» сказки (дочь русского старика) постелила постель прямо рядом с валяющимися на полу чума костями («кости тут в две стороны разгребла, на этом месте кости тут валяются»); «правильная героиня» (дочь селькупского старика) кости аккуратно убрала, и только потом постелила постель» (Прокофьев, текст 1) (Казакевич, 2000: 334).

Если пришла незваная гостья в охотничью избушку селькупа-охотника, то и в таком случае первое правило – накормить гостью и спать уложить: «[Девушка] в избушку вошла – никого нет. Вечером кто-то пришёл, в избу вошёл мужчина. Этот мужчина огонь затопил, котёл повесил, мясо сварил, кушать сел. Ей на полено мясной кусок положил, говорит: «Это съешь». Она съела. Тут легла спать. Этот мужчина один лег спать».

Если девушка не ушла утром, значит, у неё есть намерение остаться, и это – определённый знак хозяину: «Вечером он опять пришёл. Мясо, сварив, они поели. Он её кусок мяса съел, она его кусок мяса съела – значит, поженились, и легли спать (вместе)» (Дульзон, 1966: 127. Текст №47 «Две сестры»).

Однако для врагов и тех, к кому хозяева испытывали явную неприязнь, действовало иное правило – *игнорирование гостя*. Как пишет Е.Д. Прокофьева, «гость из враждебного племени встречался если не всегда враждебными действиями, то всегда общим пренебрежением. Старший в чуме при этом молчал, женщины не подавали такому гостю еду, не давали постели. Жизнь шла в чуме так, будто гостя не было. Если гость продолжал сидеть, – жители чума ложились спать. Утром игнорирование гостя продолжалось: над ним снимали чум и оставляли его сидеть под открытым небом. Сами уезжали. Этим пренебрежением, отказом в элементарном гостеприимстве, наносилась обида большая, чем при поражении в бою» (Прокофьева, 1952: 95).

5) *Уходящему или уезжающему гостю (гостям) готовили еду в дорогу.*

Говорили так: «Чаджанд оџур челгэн – абсэп ишплел нагур челгэн. – «Уходишь на день – еду бери на 3 дня». В дороге всякое могло случиться, поэтому запас еды давали больше, чем на один день. Например, если гости зимой уезжали домой на лошади, то им давали запас еды на три дня. Обычно в дорогу давали хлеб, шанги, чушь – мороженую стерлядку, замороженное молоко. Во второй пол. XX в. в дорогу также давали сало (знали, что сало на морозе не замерзает). Хлеб уезжающие гости клали за пазуху.

В фольклорных текстах упоминается также о том, что, кроме еды, уезжающему гостю иногда дарили подарок: «Мужик говорит ему: «Ты что, уже домой собираешься? Сначала подарок получишь от нас». Подарили ему чёрный сундучок из бересты, и сказали: «Когда домой пойдёшь, и [будешь спать] ложиться, положи это под голову!». Идье надел лыжи и пошёл домой». (Из фольклорного текста, записанного К. Папай в 1888 г.).

Правила поведения для гостя (гостей).

В селькупской культуре, обеспечивающей высокую мобильность населения (до сер. XX в. селькупы вели полукочевой образ жизни), присутствуют хорошо разработанные навыки ночёвки в пути на природе: в лесу, на снегу, на берегу реки. Каждый охотник знает, как можно быстро соорудить лёгкие временные жилищные конструкции на промысле; любой человек – не только мужчины, но и женщины или дети-подростки, умели возводить укрытие в непогоду или для ожидания. Убежищем от дождя и ветра могла служить и перевёрнутая лодка, и вырытая в снегу яма, и углубление в корнях толстого дерева. Правильно развести огонь для обогрева (например, соорудить *нодью*, которая будет тлеть всю ночь) и приготовить еду из минимального набора продуктов промысловика-охотника – этими жизненно-необходимыми навыками обладал каждый селькуп (такие навыки усваивались в традиционной культуре с самого раннего детства). Поэтому, если человек уходил в лес на промысел или отправлялся по какой-либо иной надобности в дорогу, он не стремился при каждом удобном случае выходить в посёлки к людям³ (хотя, вероятно, в каждом «остяцком» населённом пункте у него имелись и родственники, и знакомые).

Ночевать в посёлок, заходя в дом – в семью, приходили только в тех случаях, когда в пути заставала сильная непогода или когда охотник не успевал до темноты добраться до своего промыслового жилища (карамо), или если заканчивалась еда, или человек заболел, попал в беду. Коскин Сергей Леонидович говорит так, что «если помирать не хочешь – поползёшь к людям...». Также выходили в посёлок, когда нужно в определённый срок сдавать пушнину: до Нового года, а потом до 15 марта (позднее пушнина не принималась, считалось, что она добыта браконьерным способом, так как с середины XX в. в Томской области действовали устанавливаемые охотведомством определённые сроки охоты, соблюдение которых строго контролировалось).

³ Известна поговорка, с юмором оценивающая традицию русских мужчин-промысловиков часто возвращаться домой в посёлок, записанная у васюганских хантов этнографом В.М. Кулемзиным, которую в полной мере можно «приписать» и нарымским селькупам: «Русским то в баню надо, то к бабе надо, вот они каждый вечер домой и ездят». Про это мне не известно!

Особенно часто приходилось проявлять гостеприимство к случайным людям, нуждающимся в ночлеге, селькупским семьям, живущим на краю поселения. «Наша семья жила в д. Ильино на краю деревни, по дороге в Каргасок. Путники, когда надо переночевать, заезжали к нам, просились у отца на ночлег. Всем находилось место в доме: обогреют, накормят, спать уложат на тулупах, полушубках, собачьих дохах. Иногда целыми семьями останавливались, даже цыгане были однажды в нашем доме» (И.А. Коробейникова).

У приехавшего с дороги гостя старались высушить его вещи. Если гость приезжали на лошади, хозяева выходили на улицу, чтобы распрячь коня, дать сено; воду давали позже, как лошадь остынет с дальней дороги.

Однако существовал в селькупском хозяйственном календаре особый период, совпадающий с русским празднованием рождества – от конца декабря до середины января, когда селькупские семьи ездили друг к другу в гости, навещали родственников и знакомых. В такой период гости были ожидаемым явлением в любой семье.

Кроме того, ожидали гостей из тех семей, у которых сами были недавно в гостях. Также ждали гостей, если обращались к родственникам за помощью в строительстве дома в посёлке или в сенокосных работах, или для заготовки в больших объёмах ягоды (брусники и клюквы) или кедрового ореха. Именно такие гости – родственники, приехавшие на несколько дней из других населённых пунктов – чаще всего оставались ночевать в доме селькупов.

Один из авторов данной статьи [Коробейникова (Малькова) Ирина] выросла в традиционной селькупской среде – в юртах Пыжиных, с 1957 г. её семья жила в д. Ильино; затем они снова уехали в Пыжино, оттуда переехали в Каранак, но так как там не было школы, а детям надо было учиться, то в 1961 г. семья переехала жить в д. Ласкино, где они жили до 1966 г. В Каргасок переехали в 1996 г., когда И.А. Коробейникова училась в Колпашевском педучилище. По её воспоминаниям селькупские семьи часто

ездили друг к другу в гости: «Приезжали гости к нам, мы ездили в гости в другие деревни. Ездили в гости зимой и летом, зимой на лошадях, летом – на лодке. Если надо было ехать 2 дня, всё равно это не считалось препятствием, чтобы навестить родню. Ездили в Сосновку, на Усть-Ямы, Парабель к Саиспаевым Дмитрию Петровичу и Платониде Ивановне, в Нарым к Семёну Петровичу Саиспаеву, к родне в Тюхтерево, на лодке – в Нельмач к Макшиной Нине Степановне и многочисленным родственникам Саиспаевым».

О прибытии в гости селькупы никогда не предупреждали родственников: сообщать о приезде в гости заранее было не принято. Да и как сообщить, телефонов не было. Но всегда все радовались встрече с роднёй.

Для гостей важным было соблюдать следующие правила:

1) *Есть еду, предложенную хозяевами.*

Если гость «неожиданный» (не родственник или знакомый, а случайный путник), то всё происходит молча: хозяйка ставит еду на стол, гость начинает без лишних уговоров и разговоров есть.

Если в русской культуре принято не сразу приниматься за еду в гостях, а раза два отказаться (из вежливой деликатности), прежде чем начинать есть, то в селькупской культуре гостю отказываться от любой еды не принято. Напротив, это выглядит оскорбительным, если гость начинает «мяться» и говорить, что он сыт / не ест какую-то рыбу, например, или не привык к подобной еде и т.п. Особенно такие нюансы могут возникать, если гостем оказывается представитель иной культуры.

Если в гости приехали родственники, то сразу по их прибытии хозяева устраивали что-то вроде «праздничного» обеда, но во время такой трапезы не подают какие-то особые блюда; просто на стол выставлялось всё, что есть вкусного и съедобного в доме. Так, «когда я приехала в гости к моей нембике⁴ Тача на каникулы, она залезла на «вышку», набрала полную чашку кедрового ореха и угощала меня. Сама в это время собирала еду на стол и

⁴ По-селькупски: *нембика* – мать матери; *аджука* – мать отца.

расспрашивала про учёбу, про свою дочь Агре, про других внуков» (И.А. Коробейникова).

«Когда мой отец строил новый дом, приехали родственники из дальних и ближних деревень. Приехали только мужчины. В первый день был обед: на столе были блюда из рыбы и мяса (в солёном, копчёном, сушёном виде), заготовленные отцом заранее, хлеб и постряпушки, которые бабушка Анна пекла в русской печи каждое утро. Мужчины за разговором во время первого совместного обеда с гостями, приехавшими помогать, планировали, кто и что будет делать на стройке: кто поедет за мхом на болото, кто будет рубить стены, складывать русскую печь и т.д.».

Если гости оставались на 2–3 дня и больше, то дополнительных «праздничных» обедов не устраивали: семья жила и ела в обычном режиме, гости просто присоединялись за столом к хозяевам.

2) Привезти подарки хозяевам.

Гости обычно привозят подарки в большом количестве: вещи, сувениры, сладости, банки с вареньем, приготовленные своими руками, сухие лекарственные травы для чая. Когда уезжают, хозяева дарят ответные подарки и гостинцы, готовят им еду на дорогу.

Ночевали гости в течение недели на «вышке» в пологе и в сарае на сене. Сено набивалось в сатиновые матрасовки – в таком виде была постель и подушки, укрывались байковыми одеялами, покрывалами. У всех в семьях были перины, которые в жаркие ночи тоже затаскивали на «вышку», и на них спали.

Во время таких съездов гостей-родственников договаривались о чьей-то свадьбе или обсуждали какие-то дальние планы: переезд или отъезд на заработки куда-то; решали, как помочь кому-то из родственников, заболевшему или попавшему в беду, или обсуждали какие-либо другие вопросы, касавшиеся всей родни. Так, например, Мартынов Яков Яковлевич на лыжах ходил из Пыжино в Тюхтерево, чтобы узнать, можно ли переехать ему с семьей жить в Тюхтерево и есть ли где там поселиться; есть ли

возможность остановиться у кого-то из родственников пожить на первое время.

Помимо приезжих гостей-родственников, в селькупском посёлке нередко ходили друг к другу в гости женщины-соседки. Обычно по-соседски женщины приходили с утра, управившись во дворе с хозяйством. Пока в семьях не появились телевизоры, главными приятными занятиями женского вечернего досуга были разговоры, чаепитие и искание вшей. «К моей аджүке Анке приходили соседки *унджлап нэргу* – «искаться», т.е. «вшей поискать», голову почесать. Считалось, что голова чешется всегда, если начинают расти седые волосы» (И.А. Коробейникова).

Есть описание этого приятного занятия и в селькупском фольклоре: «Старуха своей невестке так сказала: «Мою голову почисть от вшей»... Старуха свою голову положила на колени невестке, чтобы та поискала вшей» (Текст№1 Сказка о Божьем Сыне); Томнэнка сказала: «Эй, эй, мою голову почисть от вшей!» Нэтэнка поискала вшей: «У тебя вшей совсем нет, только жуки-комылко» (Текст№3 Нэтэнка и Томнэнка) (ОСЯ, 1993).

Мужчины тоже ходили по-соседски в гости по вечерам. Садились на табурет, рассказывали, где рыбачили, много ли рыбы попало в сети, договаривались о том, что надо запор ставить, или когда ехать неводить на стрежь-песок, обменивались опытом.

К моему отцу часто приходил Михаил Залогин, муж Марии Назаровны Тагаевой. Он никогда не садился ужинать, они только вместе курили, вели разговоры про рыбалку и охоту. А двоюродный брат моей мамы Танокин Алексей Тимофеевич, напротив, всякий раз ходил в гости вместе с женой Лидией, и приходили они всякий раз в то время, когда наша семья обедала или ужинала. Они всегда садились с нами за стол.

Приветствие и прощание по-селькупски.

Селькупские традиционные этикетные нормы функционировали в прошлом без слов. Как вспоминает И.А. Коробейникова, «когда аджүка Анка

встречала младших внуков, приехавших к ней на каникулы: Микулку, Вэску, Надоля – она нюхала им макушку».

Однако, несмотря на то, что в прошлом у селькупов не было развёрнутого словесного приветствия, у селькупов Приобья со второй половины XIX в. такие приветственные формулы стали появляться.

В лесу на промысле первой фразой, считавшейся приветствием, был вопрос: *Кай кватпында?* – Что добыл? (< *кватку* – поймать, добыть, убить, схватить). В посёлке на улице, когда люди долго не виделись, при встрече спрашивали: *Кандук варганд?* – Как живешь? – и этот вопрос заменял приветствие.

На Кети и среди верхнеобских селькупов известно приветствие «Челом!» или «Телом!» – Здорово! Здравствуй! (Алатало, 1998: 99). Ср.: с коми *šolot* (заимствование из русского «Бить челом»). Ср. с евр.: *Шолом*. Татарск.: *Салям*.

Среди «низовских чумылкупов» (в Каргасокском районе) было распространено хантыйское приветствие *Печавыла, ляга!* – Привет, друг! Нарымские селькупы (жители Парабели, Нарыма, Ласкино) так никогда не здоровались друг с другом: «Так мы приветствовали хантов – Арнянгиных, Немельгиных, Прясиных». *Печа ола (щучья голова)* – так переводил на русский язык это хантыйское приветствие селькуп из с. Новосельцево Чужин Анатолий Афанасьевич» (И.А. Коробейникова).

Жительница с. Ласкино вспоминала: «Зайдёшь в дом, скажешь уважительно: *Торова, ара-паясыз*. – Здравствуйте, старик со старухой (т.е. муж и жена)» (М.Н. Тагаева).

Обычно хозяева днём на улице около дома хлопчут по хозяйству, тогда пришедший мужчина с мужчиной-хозяином здороваются за руки, говорят друг другу *«Торова»* и заходят в дом. С женщиной мужчина за руку не здоровался. Ещё в середине XX в., войдя в дом, гость снимал шапку и крестился – *кыл началгу* (буквально: «грудь расколоть»).

При входе в дом в дверь раньше никогда не стучали. О приближении к дому человека – своего или чужого – сообщали собаки вполне дифференцированным лаем. Сейчас «стукнут раз для порядка и сразу заходят»; «спрашивать «Кто там?» – не было такой моды». «Излишнюю» вежливость среди «своих» селькупы считали напускной и рассказывали о ней с иронией (М.Н. Тагаева).

Когда долгое время не виделись, у людей среднего возраста и стариков принято было троекратно обниматься и целоваться при встрече, а дети и молодёжь говорили друг другу: «*Торова!*» или «*Привет!*».

Здоровается первым пришедший в дом человек. Тогда хозяйка выходит, встречает, обнимает и предлагает раздеться и пройти в дом.

Уважительное обращение к старшему.

В Пыжино Каргасокского района нашего родственника, самого пожилого селькупа Мартынова Петра Павловича дядя Танокин Алексей Тимофеевич и другие жители деревни приветствовал при встрече: «*Торова, альджига!*». Я спрашивала у своей *аджу́ки* Анки, почему дядя Лёня так называет дедушку Петру. Она сказала, что дедушка Петра – самый старший в Пыжино и уважаемый человек. Тогда я думала, что альджигой называют только дедов, но много лет спустя я слышала в Нельмаче, как селькупка Саиспаева Акси́нья Александровна, заходя в дом Ни́ны Степа́новны Макшиной, так же поздоровалась с ней: «*Торова, альджига!*». И мне показалось, что она сказала: «Здравствуй, уважаемая!».

Значит, *альджига* – это пожилой и уважаемый человек в деревне и в роду.

Селькупские традиции чаепития.

Зашедшего ненадолго в дом человека обязательно старались напоить чаем: «*Мат ташэнд аха конджэрнам, кандук тат чайм үдэиһыһал, оҕуэр калап үдлел*». – Я тебя не видела, как ты чай пила, одну чашку выпей. «Обязательно за стол усадят, чаю нальют» (М.Н. Тагаева). Хозяйка предлагает второй и третий стакан чая. Чтобы показать ей, что достаточно

чая, пустой стакан гость мог положить на блюдце на бок или переворачивал вверх дном. Это был знак, после которого хозяйка больше не предлагала гостю налить чай.

В Ласкино бабушки по праздникам ходили чай пить к Иженбиным, которые жили в конце деревни, и Мальковым, они жили в центре, возле клуба. Чай пили с домашними постряпушками, белым хлебом и сахаром-рафинадом. Самовар устанавливали посередине стола и пили до пота, а хозяйка всё подливала и подливала свежезаваренный плиточный чай, пока гости не откажутся, перевернув чайную чашку или стакан на бок с такими словами: «*Хемек, мат ыл (таҳин) адэлджам*» – «Хватит, я дно показала».

Также обязательно гостя старались накормить. И находилась еда: солёная или вяленая стерлядь, жареные караси. У селькупов было принято свежую еду варить 3 раза в день. «Утром аджүка печёт хлеб и стряпает полный таз пирогов с черёмухой или калиной, шаньги с творогом и сметаной, лепёшки, жарит по-остяцки рыбу с картошкой на воде в сковородке, добавляет масло, лук и лавровый лист. Днём, если было лето, топили уличную печку (погэл шогор) и варили еду для себя и для собак. Если зима, то топили печку в доме – хлеб пекли, обед готовили». (И.А. Коробейникова).

Когда ждали много гостей, то готовили рыбные и сладкие пироги, жарили и делали «чинёную рыбу» (т.е. фаршировали рыбу), варили мясо, клюкву и бруснику размораживали. «Тройную» рыбную уху (из трёх сортов рыбы) готовили на другой день с утра. Из напитков готовили морсы.

За угощение спасибо не говорили или говорили это слово по-русски. После еды чаще говорили так: «*Фак аурнак*» – «Хорошо наелся». Или лаконично: *Хемек*. – Хватит (в смысле «Спасибо, достаточно»).

Роль алкоголя и табака в этикете.

Когда приезжали родственники в гости, то за первым совместным обедом на столе появлялась бражка. Если в доме не было бражки, хозяйка шла за бутылкой водки в магазин.

Взрослые выпивали в горнице отдельно от детей. Детям нельзя было садиться за стол, где распивали спиртные напитки, они ели на кухне. Бражку наливали в гранёные стаканы и выпивали за встречу, за праздник, за родителей, детей... Водку пили из стопок. Хозяйка женщинам наливала столько же, сколько мужчинам, но не все выпивали полный гранёный стакан или полную стопку за один раз. Отливать, если многовато налили, было нельзя, считалось, что отливаешь своё здоровье. Если кто-то заходил попозже, ему наливали «штрафной» – тогда полагалось выпить опоздавшему полный стакан, и все хором говорили: «Пей до дна, пей до дна!».

Выпивали, потом устраивали танцы, соревновались в плясках «Кто кого перепляшет», пели песни и частушки под гармошку. Некоторые гости иногда садились играть в карты: «в подкидного», «шестьдесят шесть» и могли играть до самого утра.

Бабушки, когда ходили в гости друг к другу, спиртное никогда не пили. Только в большие праздники или дни рождения, которые селькупы стали справлять с тех пор, как подрастали в 1960–1970-е гг. их дети, выставляли бражку, которую готовили в деревянном лагуне с дрожжами и хмелем. Тогда приглашали в гости почти всю деревню, приходили и «низовские», и «верховские». Гости «клали подарки на пирог», т.е. дарили подарки имениннику или имениннице: платок, материал на платье или рубашку, деньги. Когда выпьют, начинают петь русские песни и селькупские частушки и плясать под гармошку или баян. В летние вечера выходили петь и плясать на улицу. Утром приходили в эту же семью есть уху из налима, пить чай с ягодными пирогами.

Табак селькупы в XX в. выращивали на своих огородах. Почти все мужчины-селькупы курили; женщины также курили, бабушки нюхали молотый душистый табак, который выращивали сами. Совместное курение использовали для создания дружеской атмосферы в гостях или при встрече.

Взрослые курили после еды или во время отдыха: кто-то закручивал самосад, кто-то курил махорку. В середине XX в. курили папиросы «Север», «Казбек», «Беломор».

Если мужчины с вечера за праздничным столом чересчур много выпьют, то, как правило, начинают доказывать, кто сильнее с применением силы. «*Какой кулянка нес траки?*» – «Какая гулянка без драки?» – так утром, шутя, они объясняют случившуюся потасовку. На другое утро просили прощения друг у друга. «*Простиеш машэк!*» – «Прости меня!» Прощали сразу, не было моды долго дуться. Подарки для прощения не приносили, но за «мир» и «дружбу» выпивали по стакану бражки.

Когда гость уезжает или уходит, принято было ему дать гостинец в дорогу. Если в семье нет рыбака, давали рыбу в большом количестве: мешок налимов или стерлядей. Угощали хорошей рыбой. «Никогда не видела, чтобы отец давал бабушке Платониде Ивановне Саиспаевой щуку, которая не считалась ценной породой. Селькупы говорили: «*Квэл чаңва – печә эя*». – «Рыбы нет – щука есть» (И.А. Коробейникова). Щука ловилась в любое время года, а рыба ценных пород – попадалась по сезонам: зимой самоловами ловили осетров до 45 килограммов (*квэгэр*), стерлядь (*нодык*), налимов (*нү*), осенью ловили сначала сырков (*щыт*), потом добывали муксунов, а нельму (*вандж*) добывали весной перед ледоходом.

У селькупов было принято «отгацивать», т.е. если у кого-то побывали гости, то, уезжая, они назначали день, когда можно было приехать погостить к ним: «*Ми тинан гостичэхаут, арк нучелгэт ти мигэн төлендэ гостичэгу*». – «Мы у вас погостили, на следующий праздник вы к нам в гости приедете». Василий Александрович Саиспаев со своей женой Лидией Архиповной всегда откликались на приглашение моей бабушки Анны, его двоюродной сестры, зимой запрягали лошадь и приезжали из Нельмача в Ласкино на несколько дней. Если хозяева не могли по какой-то причине нанести ответный визит, то в следующий приезд им везли гостинцы, помогали в сезонной работе, на сенокосе, например.

Итак, в ходе проведенного исследования, было выявлено, что у селькупов был свой набор норм, которые регулировали поведение гостя и хозяина.

1. Обязательными правилами для хозяина были: пустить в дом, накормить едой (по возможности, лучшей), уложить спать, высушить вещи гостя. Случайного гостя-путника ни о чём не спрашивали: если гость молчал, то молчали и хозяева.

2. Для гостей-родственников устраивали в день приезда обед, на котором было всё то же, что и обычно, но с добавлением алкоголя и с использованием в большом количестве припасов: ягоды, варенье, соленья. С гостями-родственниками обязательно разговаривали за обедом о делах и планах.

3. Языковой материал демонстрирует, что у селькупов не был развит словесный этикет при приветствии и прощании. Он стал складываться во второй пол. XIX в. под влиянием культур соседних народов. Именно поэтому у разных групп селькупов присутствуют формы приветствия, заимствованные у соседей: хантов (*Печавыла!*), татар (*Телом!*), русских (*Торова!*).

4. Как тюркское заимствование следует оценить этикетную норму, отмеченную в Ласкино, когда гость, чтобы показать, что он напился чаю, переворачивает вверх дном (или кладёт набок) пустой стакан. Эта норма хорошо известна среди томских татар.

5. В традициях гостевания у селькупов существовала система «подарок/отдарок». Во второй пол. XX в. считается, что от родственников лучшими подарками были головной платок, отрез на платье или сарафан, шапка или шкурки меха, рыба, ягода, шерстяные варежки – «испотки» и носки, в том числе вязаные на одной игле или какая-то другая необходимая вещь, от чужих людей – пачка чая и коробка конфет. В ответ хозяева дарили гостям-родственникам мешок ценной рыбы (налим, стерлядь; но не щуку), ягоду, которой нет в тех местах, где проживает родня.

Информанты:

Тагаева Мария Назаровна, 1924 г.р., м.р. – ю.Ласкины, жила в Мумышево, Парабели.

Чужин Анатолий Афанасьевич, 1924 г.р., уроженец д. Мумышево, жил в с. Новосельцево.

Сокращения в публикации О.А. Казакевич (2000):

Прокофьев – Тазовский корпус текстов Г.Н. Прокофьева

Таз, 1996 – Тазовская часть записей нового корпуса, запись 1996 г.

Список литературы

Казакевич О.А. Этические нормы традиционного селькупского общества сквозь призму фольклора // Логический анализ языка. Язык этики. М.: «Языки русской культуры», 2000. С. 332–340.

Гемуев И.Н. Семья у селькупов (XIX – нач. XX в.). Новосибирск, 1984. 155 с.

Дульзон А.П. Селькупские сказки // Дульзон А.П. Кетские сказки. Томск, 1966. С. 116–155.

ОСЯ – Кузнецова А.И., Казакевич О.А., Иоффе Л.Ю., Хелимский Е.А. Очерки по селькупскому языку. Тазовский диалект. Т. 2. Тексты. Словарь. М., 1993.

Прокофьева Е.Д. О социальной организации селькупов (род и фратрия) // Сибирский этнографический сборник. Т. 1. М.-Л., 1952. С. 88–107.

Сказки нарымских селькупов (книга для чтения на селькупском языке с переводом на русский язык). Томск, 1996. 191 с.

Тучкова Наталья Анатольевна,

Томский государственный педагогический университет

Томск, ул. Киевская, 60

natatutschkova@yandex.ru

Коробейникова Ирина Анатольевна,

методист по селькупской культуре,

Этнокультурный центр отдела культуры Администрации Парабельского района Томской области.

Парабель, Томская область, ул. Советская, 16.

ira.korob@mail.ru

Tuchkova N.A., Korobejnikova I.A.

Guesthood and hospitality according to the Selkup folklore and ethnographic observations

Abstract. This article deals with traditional customs of guesthood and hospitality typical for the Selkup culture. The analysis rests on the materials of folk Selkup literature, which reveals the main rules of guesthood and hospitality, as well as the materials of ethnographic observations (including I.A. Korobeynikova's (one of the authors) reminiscences of her childhood). The article presents the analysis of terms of greeting and farewell common to the Selkups living in Parabel-Narym (chumylkup) dialect areal in the middle of the XX-th century. The study leads to the conclusion that they are likely to have been borrowed from the neighbouring peoples cultures (the Khanty, the Tatars, the Russians).

Key words. *the Selkups, etiquette, hospitality, norms of conduct when visiting sb, the terms of greeting and farewell, way of proper treatment to the respected people.*

References:

Kazakevich O.A. Eticheskie normy tradicionnogo selkupskogo obsh'estva skvoz' prizmu folklore [Ethical standards of the traditional Selkup society through the prism of folklore] // Logicheskij analiz jazyka. Jazyk etiki. [Logical analysis of language. The language of ethics]. Moscow, 2000. P. 332–340. (in Russian)

Gemuev I.N. Sem'ja u selkupov [The Selkup Family] (XIX – the beginning of the XX-th century.). Novosibirsk, 1984. 155 p. (in Russian)

Dulson A.P. Selkupskie skazki [Selkup tales] // Dulson A.P. Ketskie skazki [Ket tales]. Tomsk, 1966. C. 116–155. (in Russian)

Kuznetcova A.I., Kazakevich O.A., Ioffe L.Ju., Helimski E.A. Ocherki po selkupskomu jazyku. Tazovskij dialect. [Essays on the Selkup language. Taz dialect]. Vol. 2. Texty. Slovar' [Texts. Dictionary.] Moscow, 1993. (in Russian)

Prokof'eva E.D. O social'noj organizacii selkupov (rod i fratrija) [The social organization of the Selkups (kinship and phratry)] // Sibirskij etnograficheskij sbornik [Siberian ethnographic collected volume]. Vol. 1. Moscow-Leningrad, 1952. P. 88–107. (in Russian)

Skazki narymskich selkupov (kniga dlja chtenija yf selkupskom jazyke s perevodom na ruskij jazyk) [Tales of the Narym Selkups. The book for reading in

the Selkup language with translation into Russian]. Tomsk, 1996. 191 p. (in Russian)

Тучкова Наталья Анатольевна,
Tomsk State Pedagogical University
Tomsk, ul. Kievskaja, 60
natatutschkova@yandex.ru

Коробейникова Ирина Анатольевна,
Parabel' Tomskaja oblast', ul. Sovetskaja, 16.
ira.korob@mail.ru